

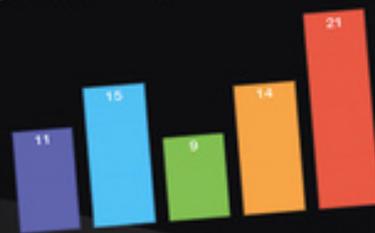

Энн Тайлер УКСУСНАЯ ДЕВУШКА

Кавер-версия «Укрощения строптивой»

Уильяма
Шекспира

в исполнении
лауреата
Пулитцеровской
премии

*«Уксусная девушка» –
«Укрощение строптивой»
эпохи биолоботорий,
фиктивных браков
и феминизма.*

Шекспир XXI века

Энн Тайлер
Уксусная девушка

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Тайлер Э.

Укусная девушка / Э. Тайлер — «Эксмо»,
2016 — (Шекспир XXI века)

ISBN 978-5-04-088795-8

Кейт как будто попала в клетку. Дома ей приходится убирать и готовить для своего эксцентричного отца-ученого, доктора Баттиста, и младшей сестры Белочки. На работе в детском саду родители и начальство недовольны Кейт и ее слишком резкими методами воспитания, хотя дети ее обожают. Несмотря на строптивый нрав, Кейт уже готова смириться со своим положением, но тут ее отец, работающий в научной лаборатории, неожиданно решает свести ее с Петром, своим лаборантом, которого вот-вот вышлют из страны. Взбунтуется ли Кейт хотя бы на этот раз? И что на самом деле задумал ее отец?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-088795-8

© Тайлер Э., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Энн Тайлер

Уксусная девушка

© Целовальникова Д., перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава 1

Кейт Баттиста возилась в саду, когда на кухне зазвонил телефон. Она выпрямила спину и прислушалась. Ее сестра была дома, хотя могла еще спать. Телефон прозвонил снова, потом еще дважды, и наконец послышался голос сестры, записанный на автоответчик: «Приве-ет! Это мы? Похоже, нас нет дома? Оставьте...»

Кейт метнулась к заднему крыльцу, отбросила волосы за плечи, вытерла руки о джинсы и распахнула дверь с проволочной сеткой.

– Кейт, – произнес динамик телефона, – ответь.

Она взяла трубку.

– Что?

– Я забыл свой ланч.

Кейт посмотрела на стойку возле холодильника, и действительно – ланч стоял именно там, где она оставила его вечером. Она всегда пользовалась прозрачными пакетами из супермаркета, и содержимое отчетливо просвечивало: пластиковый контейнер с сэндвичем и яблоко.

– М-да, – протянула она.

– Ты не могла бы мне его привезти?

– Прямо сейчас?

– Ну да.

– Господи, папа! Я тебе не «Пони-экспресс»! – возмутилась Кейт.

– А разве ты занята? – удивился он.

– Сегодня же воскресенье – я занимаюсь прополкой морозника!

– Перестань ломаться, Кейт. Прыгай в машину и гони ко мне. Будь умницей!

Кейт проворчала что-то себе под нос, швырнула трубку и схватила пакет с ланчем.

Станный вышел разговор. Во-первых, отец практически никогда не звонил – он в принципе не признавал подобного вида связи. Недаром в его лаборатории телефона не было и в помине, значит, он воспользовался мобильным. Это тоже довольно странно, потому что телефоном отец обзавелся исключительно по настоянию дочерей. В первое время он увлекся покупками приложений (по большей части, всевозможными микрокалькуляторами для научных расчетов), но быстро охладел и перестал к телефону притрагиваться. Кроме того, раньше он забывал свой ланч раза два в неделю и даже этого не замечал. Вообще непонятно, чем он питался. Кейт возвращалась с работы и обнаруживала коробку с ланчем на стойке, а потом ей приходилось звать отца к ужину раза три-четыре. Он всегда находил занятие более интересное, чем еда, – полистать научный журнал или просмотреть свои записи. Живи отец один, наверняка уморил бы себя голодом.

Если бы ему вздумалось перекусить, он мог бы выйти и что-нибудь купить. Лаборатория находилась рядом с кампусом университета Джонса Хопкинса, вокруг которого полно закусочных и киосков с едой. Не говоря уже о том, что до полудня еще далеко.

Зато денек выдался солнечный и ветреный, хотя и прохладный – первый более-менее погожий день после долгой суровой зимы, – и Кейт обрадовалась лишнему поводу прогуляться. Машину решила не брать и пройтись пешком. Пусть подождет. (Сам-то отец пользовался автомобилем, только если нужно было перевезти какое-нибудь оборудование. Он предпочитал ходить пешком.)

Она вышла через парадную дверь и захлопнула ее со всей силы, сердясь на разоспавшуюся Белочку. Газон вдоль дорожки выглядел довольно запущенным – надо заняться им после прополки.

Размахивая пакетом с ланчем, Кейт прошла мимо домов Минцев и Гордонов – величавых кирпичных особняков в колониальном стиле, как и у семейства Баттиста, только более ухоженных, – и свернула за угол. Миссис Гордон стояла на коленях посреди кустов азалии, мульчируя почву.

– Ба! Кейт, приветик! – пропела она.

– Здрасьте.

– Похоже, весна вступает в свои права.

– Ну да.

Кейт пронеслась мимо, за спиной развевались полы замшевой куртки. Впереди черепашьим шагом тащились две девушки (наверняка студентки университета Хопкинса).

– Я поняла, что он хочет меня пригласить, – говорила одна, – потому что он без конца откашливался, ну, ты знаешь, как парни это делают. Но он так ничего и не сказал.

– Обожаю, когда парни смущаются, – заметила другая.

Кейт обогнула их и помчалась дальше.

На следующем перекрестке она свернула налево, в квартал более разношерстной застройки из многоквартирных домов, кафешек и отданных под офисы зданий, и наконец добралась до очередного кирпичного особняка в колониальном стиле. Задний двор был поменьше, чем у дома семейства Баттиста, зато крытая галерея выглядела куда больше и импозантнее. Возле двери пестрели причудливыми названиями таблички шести или восьми непонятных организаций и никому не известных журнальчиков. При этом таблички с именем Луиса Баттиста среди них не было. За годы работы он сменил столько помещений, что решил не утруждаться ради этого сиротского угла, располагавшегося хоть и возле университета, но в изрядном отдалении от медицинского комплекса.

Одна стена вестибюля была увешана почтовыми ящиками, под ними стояла колченогая скамья, заваленная рекламными объявлениями и листовками рестораничек, торгующих навынос. Кейт прошла мимо нескольких офисов, открыт был лишь «Христиане за Будду». Внутри три женщины толклись возле стола, за которым четвертая утирала глаза платком. (Что-то да случается.) Кейт дошла до конца вестибюля, открыла дверь, поднялась на один пролет по крутой деревянной лестнице и набрала код на следующей двери: 1957 – год, в котором Витебский сформулировал критерии аутоиммунных заболеваний.

Кейт вошла в крошечную комнатку с журнальным столиком и двумя складными металлическими стульями. На столе лежал бумажный пакет, похоже, что с ланчем. Она положила свой пакет рядом, направилась к другой двери и пару раз постучала. Отец тут же высунул голову в проем, сверкнув блестящей лысиной, с узкой полоской черных волос вокруг. Оливкового цвета лицо украшали черные же усы и очки без оправы с круглыми стеклами.

– А, это ты, Кейт! – воскликнул он. – Проходи.

– Нет, спасибо, – отказалась она. Кейт терпеть не могла специфического запаха лаборатории, не говоря уже об ароматах помещения для мышей. – Ланч на столе. Пока!

– Нет, погоди-ка! – Отец отвернулся и заговорил с кем-то в лаборатории. – Пиотр! Выйди и поздоровайся с моей дочерью.

– Мне пора, – заторопилась Кейт.

– Кажется, ты еще не знакома с моим лаборантом.

– Ну и ладно.

Дверь распахнулась, и на пороге возник крепкий мускулистый блондин с прямыми волосами. Лабораторный халат на нем был настолько грязный, что по цвету почти сравнялся со светло-серым рабочим комбинезоном доктора Баттисты.

– Кы-ы-ласс! – протянул он, восхищенно глядя на Кейт.

Как правило, при первой встрече так на нее смотрели многие мужчины. А все благодаря отмершим клеткам кератина: у нее были длинные иссиня-черные волосы, струящиеся по плечам и оканчивающиеся чуть пониже спины.

– Это Пиотр Чербаков, – сообщил отец.

– Петр, – поправил его мужчина, произнеся слитно твердую «т» и рокочущую «р», – Щер-ба-ков, – добавил он, словно выплюнув совершенно непривычное для американцев сочетание звуков.

– Пиотр, познакомься с Кейт.

– Привет, – кивнула Кейт лаборанту. – До вечера, отец.

– Я надеялся, ты с нами немного побудешь.

– Зачем это?

– Ну, тебе ведь нужно захватить домой мою коробку из-под ланча?

– Разве ты сам не справишься?

Внезапно раздалось одобрительное уханье, заставившее обоих покоситься на Петра.

– Совсем как девушки в моей стране, – сияя, сообщил он. – Такая же дерзкая и строптивая.

– Как женщины, – с упреком поправила Кейт.

– Да, и женщины тоже. И бабушки, и тетушки.

Кейт махнула на него рукой.

– Отец, – продолжила она, – скажи Белочке, чтобы она прибирала за своими друзьями.

Видел бы ты, на что с утра была похожа наша гостиная!

– Да-да, – пробормотал отец, уходя в лабораторию. Он вернулся с креслом на колесиках, докатил его до столика. – Присядь, пожалуйста.

– Мне нужно вернуться к прополке.

– Прощу, Кейт. Вечно ты меня избегаешь.

Она устала на отца изумленно.

– Я тебя избегаю?!

– Присядь, – кивнул он на кресло. – Могу поделиться с тобой сэндвичем.

– Не хочу я есть, – ответила Кейт, но присела, все еще недоумевающая.

– Пиотр, садись. И сэндвич бери, если хочешь. Кейт сама готовила. Арахисовое масло с медом на пшеничном хлебце из цельнозернового зерна.

– Вы же знаете, я не ем арахисовое масло! – заявил Петр, взял складной стул и сел наискосок от Кейт. Ее кресло было гораздо выше, и она разглядела, что на макушке его волосы начинают редеть. – В моей стране арахис – еда для свиней.

– Ха-ха! – рассмеялся доктор Баттиста. – Он такой шутник, верно, Кейт?

– Какой?

– Они едят орехи прямо со скорлупой, – пояснил Петр.

Некоторые согласные давались ему с трудом, заметила Кейт. Да и с гласными проблемы – слишком кратко их произносит. Разговоры с иностранцами выводили ее из терпения.

– Ты ведь удивилась, что я воспользовался своим мобильным? – спросил отец, почему-то продолжая стоять. Он достал телефон из кармана комбинезона. – Вы, девочки, были правы – удобная штука. Теперь буду его осваивать. – Он наморщил лоб, словно пытаясь понять, что за предмет у него в руках. Прищурился, отошел на несколько шагов. Раздался механический щелчок. – Гляди, он еще и фотографирует!

– Сотри! – велела Кейт.

– Не знаю, как это делается, – ответил он, и телефон снова щелкнул.

– Тьфу ты!.. Отец, сядь и поешь. А мне пора возвращаться к прополке.

– Ладно, ладно!

Он убрал телефон и сел. Тем временем Петр взял свой ланч, достал два яйца, потом банан и положил их перед собой на расстеленном бумажном пакете.

– Пиотр – приверженец бананов, – доверительно сообщил доктор Баттиста. – Я все твержу ему о пользе яблок, но он не слушает! – Отец открыл свою коробку, вынул яблоко и потряс им перед носом Петра. – Пектин! Пектин!

– Бананы – чудо-еда, – спокойно заметил Петр и принялся чистить свой фрукт. Кейт с удивлением заметила, что лицо у лаборанта практически шестиугольное – скулы выступают острыми углами, челюсть образует еще два угла, остальные два – подбородок и лоб под разделенными на прямой пробор волосами. – И яйца, – добавил он. – До чего ловко придумано куриное яйцо! Такое самодостаточное!

– Кейт делает мне сэндвич каждый вечер перед сном, – поведал доктор Баттиста. – Она очень хозяйственная.

Кейт зажмурилась.

– Однако из арахисового масла, – заметил Петр.

– Ну да.

– Да, – вздохнул Петр и взглянул на нее с сожалением. – Зато красивая.

– Видел бы ты ее сестру!

– Отец, ты что?! – возмутилась Кейт.

– Где ее сестра? – заинтересовался Петр.

– Ну-у, Белочке всего пятнадцать. Она учится в школе.

– Ясно, – кивнул Петр и снова переключил свой взгляд на Кейт.

Кейт резко встала.

– Не забудь свой «Тапервер», – бросила она отцу.

– Как? Ты уходишь? Почему так скоро?

– Пока! – воскликнула Кейт на бегу, в основном обращаясь к Петру, который следил за ней оценивающим взглядом, промаршировала к двери и распахнула ее.

– Кэтрин, дорогая, не убегай! – поднялся отец. – Вот те на, все вышло кувыркком! Пиотр, у нее столько дел, столько дел! Никак не могу убедить ее присесть и отдохнуть хоть немного. Я говорил, что на Кейт весь наш дом держится? Она такая хозяйственная. Ах да, об этом я упоминал. А еще она работает полный рабочий день. Я говорил, что она учит дошкольников? Кейт прекрасно ладит с детишками.

– Почему ты так странно разговариваешь? – возмутилась Кейт, обернувшись к отцу. – Что на тебя нашло? Ненавижу маленьких детей, сам знаешь!

Петр снова одобрительно ухнул, глядя на нее с ухмылкой.

– Почему вы их ненавидите? – спросил он.

– Ну, они не шибко умные, если вы не заметили.

Он снова ухнул. В сочетании с бананом в руке этот возглас делал его похожим на шимпанзе.

Кейт развернулась, вылетела вон и помчалась, перепрыгивая через две ступеньки.

Хлопнула дверь. Отец позвал:

– Кейт!

Девушка неслась к выходу, будто не слыша.

– Я провожу тебя, погоди! – крикнул он вслед.

Провожу?! Это что-то новенькое!

У двери она притормозила, обернулась и посмотрела на отца.

– Я все сделал не так, – вздохнул он, вытирая лысину рукой. Безразмерный комбинезон топорщился на животе, и доктор Баттиста смахивал на телепузика. – Прости, не хотел тебя рассердить!

– Я не сержусь, я... – Слово «обиделась» она не сказала, чтобы не заплакать. – Я расстроилась.

– Не понял.

Как ни странно, она сразу ему поверила. Отец был в полной растерянности.

– Что ты там пытался изобразить? – спросила она, уперев руки в боки. – Почему ты вел себя так... по-свойски с этим твоим лаборантом?

– Он не просто лаборант, он – Пиотр Чербаков, и мне с ним очень повезло! Подумать только: он пришел на работу в воскресенье! Он часто так делает. Кстати, Пиотр со мной почти три года, поэтому тебе стоит хотя бы имя его запомнить.

– Три года?! А куда подевалась Эннис?

– Боже милостивый! Эннис!.. После нее у меня было еще два лаборанта.

– Ох, – спохватилась Кейт.

Она понятия не имела, почему ведет себя так несносно. Прежде отец никогда не рассказывал ей про своих лаборантов.

– Кажется, мне бывает сложно их удержать, – признался доктор Баттиста. – Возможно, дело в том, что люди непосвященные не видят перспективности моего проекта.

В этом он тоже прежде не сознавался, хотя время от времени Кейт приходила в голову такая мысль. Внезапно ей стало его жаль. Она опустила руки, приняв менее угрожающую позу.

– Мне пришлось как следует постараться, чтобы Пиотру разрешили въезд в нашу страну, – поведал он. – Тогда ему было всего двадцать пять, однако имя его уже гремело в научных кругах. Выдающийся иммунолог! Получил визу категории О-1, а ведь ее теперь редко кому дают!

– Ну, это хорошо, отец.

– Таковую визу дают лишь людям с выдающимися способностями, вот что значит О-1! Это значит, что он обладает исключительными умениями или знаниями, которых нет ни у кого в этой стране, и что я занимаюсь исключительно важным исследованием, для которого он мне жизненно необходим!

– Тем лучше для тебя.

– Виза категории О-1 выдается на три года.

Кейт коснулась его руки.

– Разумеется, ты переживаешь за свой проект, – постаралась она его поддержать. – Наверняка все как-нибудь образуется.

– Ты и правда так думаешь?

Она кивнула и смущенно похлопала его по руке, чего он явно не ожидал.

– Я в этом просто уверена! – заявила Кейт. – Не забудь захватить домой коробку от ланча.

Она открыла входную дверь и вышла на солнечный свет. Две женщины из организации «Христиане за Будду» сидели на ступеньках, склонившись друг к другу. Они так сильно смеялись, что не сразу заметили Кейт, но потом подвинулись и дали ей пройти.

Глава 2

В четвертой группе малышки играли в разлуку. Кукла-балерина расставалась с куклой-морячком.

– Прости, Джон, – заявила она бодрым, деловитым голоском (вообще-то, голоском Джилли), – но я люблю другого.

– Кого же? – спросила кукла-морячок в маленькой синей матроске. За нее говорила Эмма Джи, обхватив игрушку за пояс.

– Не скажу, а то вдруг он твой лучший друг, и это ранит твои чувства.

– Ну, ты сглупила! – вмешалась Эмма Би. – Теперь он все знает, ведь ты сказала, что это его лучший друг.

– Подумаешь! Мало ли у него лучших друзей?

– Мало. Лучших друзей много не бывает.

– А вот и бывает! У меня целых четыре лучших друга!

– Тогда ты чокнутая!

– Кейт! Ты слышала, как она меня назвала?

– Ну и что? – спросила Кейт. Она помогала Джамише снять халатик для рисования. – Скажи, что она сама такая.

– Сама ты чокнутая! – объявила Джилли Эмме Би. – А я нет!

– А вот и да!

– А вот и нет!

– Кейт сказала, значит, чокнутая!

– Не говорила я такого, – возразила Кейт.

– А вот и говорила!

Кейт хотела сказать «А вот и нет», потом передумала.

– По крайней мере, начала-то не я.

Они сидели в кукольном уголке – семеро девочек и близнецы Сэмсоны, Рэймонд и Дэвид. В другом углу остальные шестеро мальчиков столпились вокруг столика для игр с песком и превратили его в спортивную арену. Из пластмассовой ложки они сделали катапульту, чтобы стрелять кубиками «Лего» в рифленую жестянку из-под желе, которую поставили на дальнем конце столика. По большей части они промахивались, зато, когда удавалось попасть, дети разражались бурными аплодисментами, после чего начинали пихаться локтями, пытаясь завладеть ложечкой-катапультной. Кейт следовало бы подойти и успокоить их, но она не стала. Пусть дадут выход энергии. К тому же она не воспитательница, всего лишь нянечка, а это совсем другое дело. Детский сад «Школа для самых маленьких» в Чарлз-Виллидж был основан сорок пять лет назад мисс Эдной Дарлинг, его бессменным директором, и все воспитатели достигли настолько преклонных лет, что нуждались в помощи обслуживающего персонала (по одной нянечке на каждую, две для самой трудоемкой группы двухлетних детей), без которого они вряд ли справлялись бы с ватагой маленьких сорванцов. Хотя учреждение занимало цокольный этаж церкви Святого Алоизия, большая часть помещений находилось выше уровня земли, так что в комнатах было светло и солнечно, а двойные двери открывались прямо на детскую площадку. В противоположном конце помещения располагалась комната для отдыха воспитателей, где пожилые женщины и проводили большую часть рабочего дня, распивая травяной чай и обсуждая свои физические недомогания. Порой кто-нибудь из обслуживающего персонала осмеливался заглянуть туда на чашку чая или чтобы воспользоваться туалетом с «взрослыми» удобствами, однако на этих закрытых заседаниях старших они неизменно ощущали себя лишними и поэтому, несмотря на сердечность последних, старались без особой нужды не входить.

Мягко выражаясь, Кейт вовсе не мечтала о работе в детском саду. Случилось так, что на втором курсе она заявила профессору ботаники, что его объяснение процесса фотосинтеза – бестолковое. Слово за слово, и в результате ее попросили уйти из колледжа. Она боялась реакции отца, но услышав, как было дело, он сказал: «Что ж, ты права – объяснение действительно бестолковое». Тем все и кончилось. Кейт сидела дома, не зная, чем заняться, пока ее тетушка Тельма не предложила ей место в детском саду. (Тетушка Тельма состояла там в членах правления. И не только там.) Теоретически Кейт могла бы восстановиться в колледже в следующем году, только почему-то не стала этого делать. Похоже, отцу и в голову не пришла такая возможность, к тому же для него было удобнее, чтобы она занималась домом и присматривала за своей младшей сестрой, которой было всего пять лет, – их дряхлая экономка с нею уже не справлялась.

Воспитательницу, которой помогала Кейт, звали миссис Чонси. (Все нянечки обращались к воспитательницам «миссис».) Спокойная, невероятно полная женщина присматривала за четырехлетками дольше, чем Кейт прожила на этом свете. Как правило, она относилась к ним ласково-рассеянно, а когда они озорничали, строго говорила: «Конор Фитцджеральд, я все вижу!» или «Эмма Грей и Эмма Уиллис – смирно!» Она считала, что Кейт их слишком распускает. Если ребенок отказывался спать в тихий час, Кейт говорила: «Ну и ладно, как хочешь» и со вздохом отступала. Миссис Чонси в таких случаях смотрела на малыша с укоризной и говорила: «Кажется, кое-кто не слушается мисс Кейт». В подобные моменты Кейт чувствовала себя самозванкой. Да кто она такая, чтобы заставлять ребенка спать? Ей совершенно не доставало авторитетности, и все детишки это знали. Похоже, они воспринимали ее как четырехлетку-переростка, перечашую взрослым. Ни разу за шесть лет работы в детском саду они не обратились к ней «мисс Кейт».

Время от времени Кейт подумывала о поисках работы, однако ничем это так и не закончилось. По правде сказать, на собеседованиях она не блистала. Кроме того, она ума не могла приложить, чем бы еще заняться.

Как-то раз в колледже ее уговорили перекинуться в шахматы в зале отдыха общежития. Играла она так себе, зато обладала изрядной долей дерзости и любила рисковать, поэтому ей удавалось довольно долго теснить своего противника. Вокруг собралась небольшая толпа, которую Кейт словно не замечала, пока один из студентов не прошептал другому: «У нее нет никакого плана!» Так оно, собственно, и было. Партию она вскоре проиграла.

Теперь Кейт часто вспоминала эту фразу, когда шла по утрам в детский сад. И когда разувала детишек, и когда выскребала пластилин у них из-под ногтей, и когда залепляла пластырем разбитые коленки. И когда снова обувала малышей.

У нее нет никакого плана.

* * *

На обед были макароны с томатным соусом. Как обычно, Кейт сидела во главе одного стола, миссис Чонси – во главе другого в дальнем конце столовой. Прежде чем занять места, дети показали Кейт и миссис Чонси руки с обеих сторон. Потом все сели. Миссис Чонси постучала вилкой по своему стакану с молоком и объявила:

– А теперь помолимся! – Дети послушно опустили головы. – Дорогой господь! – с чувством произнесла миссис Чонси. – Благодарим тебя за то, что ты даешь нам эту пищу, и за эти здоровые, цветущие личики. Аминь.

Дети за столиком Кейт тут же подняли головы.

– А у Кейт глаза открыты! – тут же сообщила всем Хлоя.

– Ну и что с того, мисс святоша? – спросила Кейт.

Близнецы Сэмсоны радостно захихикали.

– Мисс свя-то-ша, – повторил Дэвид вполголоса, стараясь запомнить на будущее.
– Если откроешь глаза во время молитвы, – начала Хлоя, – то Бог подумает, что ты ему не благодарен.

– Ну, значит, я не благодарна, – откликнулась Кейт. – Не люблю макароны.

Повисла напряженная пауза.

– Как это – не любишь макароны? – наконец спросил Джейсон.

– Они пахнут псиной, – ответила Кейт. – Неужели не почувял?

– Фу-у! – воскликнули дети.

Они склонились к тарелкам и понюхали.

– Ну как? – спросила Кейт.

Дети переглянулись.

– Точно! – сказал Джейсон.

– Как будто моего старого пса Фрица сунули в огромную кастрюлю для крабов и сварили! – заметил Антуан.

– Фу-у!

– Зато морковка удалась, – поспешно вставила Кейт, начав жалеть, что подняла эту тему. – Берите вилки и за еду!

Пара детишек взялась за вилки. Остальные даже не шелохнулись.

Кейт сунула руку в карман джинсов и достала отрезку вяленой говядины. Будучи весьма разборчивой в еде, она всегда носила с собой перекус на случай, если на обед подадут какую-нибудь гадость. Оторвав кусочек зубами, она принялась его пережевывать. К счастью, вяленую говядину не любил никто, кроме Эммы Дабл-Ю, которая всюю наворачивала макароны, и делиться не пришлось.

– Хорошего вам понедельника, мальчики и девочки! – объявила миссис Дарлинг, ковыляя к их столу с алюминиевой тростью. Она непременно навевалась в столовую во время обеда каждой группы и всегда вставляла в свое приветствие соответствующий день недели.

– Хорошего понедельника, миссис Дарлинг, – пробормотали дети, пока Кейт судорожно пихала говядину за левую щеку.

– Почему никто не ест? – спросила миссис Дарлинг. (Ничто не ускользало от ее взгляда.)

– Макароны пахнут мокрой псиной, – поведала Хлоя.

– Как-как? Силы небесные! – Миссис Дарлинг прижала к мешковатой груди морщинистую, покрытую пигментными пятнами руку. – У меня такое впечатление, будто вы забыли одну важную вещь. Дети! Кто помнит наше Хорошее Правило?

Все промолчали.

– Джейсон?

– Если не можешь сказать что-нибудь хорошее, – пробормотал Джейсон, – лучше вообще помолчи.

– «Лучше вообще помолчи». Так-то! Кто может сказать что-нибудь хорошее о сегодняшнем обеде?

Молчание.

– Мисс Кейт? Вы можете сказать что-нибудь хорошее?

– Ну, он просто... блестящий, – выдала Кейт.

Миссис Дарлинг наградила ее пристальным взглядом, однако ограничилась пожеланием приятного аппетита и с топотом направилась к столу миссис Чонси.

– Блестящий, как мокрая псина! – шепнула Кейт детям.

Малыши завизжали от смеха. Миссис Дарлинг замерла и повернулась, опершись на трость.

– Кстати, мисс Кейт, – проговорила она, – будьте так добры заглянуть в мой кабинет во время тихого часа.

– Конечно, – ответила Кейт.

Ей пришлось проглотить сразу всю вяленую говядину.

Дети уставились на нее круглыми глазами. Даже четырехлетки знают, что приглашение в кабинет директора не предвещает ничего хорошего.

– Ты нам нравишься, – признался Джейсон.

– Спасибо, милый.

– Когда мы с братом вырастем, – пообещал Дэвид Сэмсон, – мы обязательно на тебе женимся!

– Что ж, спасибо. – Кейт хлопнула в ладоши и объявила: – Знаете, что у нас сегодня на десерт? Мороженое с печеньками!

Дети тихонько сказали «М-мм!», но вид у них был по-прежнему встревоженный.

* * *

Не успели малыши доесть мороженое, как в столовую нестройной гурьбой ввалилась группа пятилеток. С позиций уютного маленького мирка четырехлеток они виделись Кейт страшными и неуклюжими великанами, хотя были всего годом старше.

– Пошли, дети! – воскликнула миссис Чонси, с трудом поднимаясь со стула. – Пора освободить место для другой группы. Скажите спасибо миссис Вашингтон.

– Спасибо, миссис Вашингтон, – хором повторили дети.

Стоявшая в дверях кухни миссис Вашингтон улыбнулась, важно кивнула и разгладила фартук. (В «Школе для самых маленьких» к хорошим манерам относились очень серьезно.) Четвертая группа выстроилась в некое подобие линии и потянулась к выходу мимо пятой, почтительно втянув головы в плечи. Шествие замыкала Кейт. Проходя мимо Джорджины, нянечки пятой группы, она прошептала:

– Меня вызвали на ковер.

Джорджина ахнула.

– Удачи!..

Беременная первенцем Джорджина была румяная миловидная женщина с необъятным животом. Вряд ли ее хоть раз вызывали к начальству, подумала Кейт.

Вернувшись в группу, Кейт открыла чулан, в котором хранились детские раскладушки, расставила их, разложила подушечки и одеяла, вынув их из детских шкафчиков. Четверо самых отъявленных болтушек, как всегда, попытались улечься рядом, но Кейт разрушила их планы. Как правило, миссис Чонси проводила тихий час в комнате для отдыха воспитателей, однако сегодня после обеда она вернулась в группу, уселась за стол и достала из своей огромной хозяйственной сумки газету «Балтимор сан». Должно быть, слышала, что миссис Дарлинг вызвала Кейт к себе в кабинет.

Лиам Ди сказал, что не хочет спать. Он всегда так говорил, потом засыпал непробудным сном, и Кейт приходилось долго его будить. Она накрыла малыша белым фланелевым одеялом с двумя полосами (когда другие мальчики не слышали, он называл его «мое одеялочко») и подоткнула со всех сторон, как он любил. Потом помогла Джилли распустить хвостик и снять заколку, чтобы та не впивалась в голову во время сна. Кейт убрала заколку под подушку и сказала: «Запомни, где она лежит. Достанешь, когда проснешься». Вероятно, к этому времени она успеет вернуться, а вдруг нет? Вдруг ей придется собрать вещи и уйти? Кейт провела рукой по шелковистым темно-русые волосам девочки, пахнущим детским шампунем и восковыми мелками. Ее здесь не будет, чтобы защитить Антуана, которого вечно задирают;

она никогда не узнает, подружится ли Эмма Би со своей новой сестричкой, что в июне придет из Китая.

Неправда, что она терпеть не может детей. По крайней мере, *не всех*. Дело в том, что ей не нравились дети как таковые, в качестве однотипных представителей некоего подвида.

Тем не менее она напустила на себя беззаботный вид и воскликнула:

– Миссис Чонси, я на секундочку!

Та лишь улыбнулась в ответ – то ли без задней мысли, то ли с жалостью – и перевернула газетную страницу.

Кабинет миссис Дарлинг находился рядом со второй группой, где детишки были настолько малы, что спали на специальных ковриках, а не на раскладушках, чтобы не свалиться во сне. Сквозь стеклянные двери было видно, что внутри царит полумрак, и от комнаты буквально веяло звенящей тишиной.

Дверь в кабинет миссис Дарлинг тоже была стеклянная, и сквозь нее виднелась директориса, сидящая за столом. Она разговаривала по телефону и одновременно рылась в бумагах. Едва Кейт постучала, как она свернула разговор и положила трубку.

– Входите.

Кейт зашла и плюхнулась на стул с прямой спинкой напротив стола.

– Наконец-то мы получили смету на замену запачканного коврового покрытия, – объявила миссис Дарлинг.

– Ага, – кивнула Кейт.

– Вопрос в том, откуда взялись пятна? Определенно, где-то течет труба, но пока мы не выясним где именно, класть новый ковролин не имеет смысла.

Кейт нечего было ответить, и она промолчала.

– Что ж, – протянула миссис Дарлинг. – Хватит об этом! – Она аккуратно сложила бумаги и убрала в папку. Потом потянулась к другой папке. (Личное дело Кейт? Есть ли оно вообще? Интересно, что там внутри?) Открыла, внимательно изучила лист сверху и уставилась на Кейт, спустив очки на кончик носа. – Что ж, Кейт. Мне хотелось бы знать, как вы сами оцениваете свои достижения у нас.

– Мои... что?

– Свои достижения в «Школе для самых маленьких». Свою педагогическую компетентность.

– А-а, вы об этом! Не знаю... – Она надеялась, что миссис Дарлинг удовлетворится подобным ответом, но та смотрела на нее выжидательно, и Кейт пришлось добавить: – Ну, я же не воспитатель. Я просто нянечка.

– Правда?

– Я всего лишь помогаю воспитателю.

Миссис Дарлинг продолжала смотреть на нее в упор.

– Надеюсь, что справляюсь, – наконец сказала Кейт.

– Да, – кивнула миссис Дарлинг, – по большей части справляетесь.

Кейт постаралась сдержать изумление.

– Я бы даже сказала, что дети вас любят, – выдала миссис Дарлинг.

Кейт так и ждала, что она добавит: по какой-то непонятной причине.

– К сожалению, этого не скажешь об их родителях.

– Да ну?

– Мне уже приходилось поднимать этот вопрос, Кейт. Помните?

– Да-а, помню.

– У нас с вами была беседа на эту тему. Серьезная беседа.

– Точно.

– Теперь вами недоволен мистер Кросби. Папа Джамиши.

– И что не так? – спросила Кейт.

– Он сказал, что разговаривал с вами в четверг. – Миссис Дарлинг взяла верхний лист и поправила очки. – В четверг утром, когда он привел Джамишу в сад. Он хотел поговорить с вами о том, что Джамиша сосет большой палец.

– Не палец, а пальцы, – поправила ее Кейт. У Джамиши была привычка сосать два средних пальца, а мизинчик и указательный торчали по обе стороны рта, похоже на жест глухонемых «Я тебя люблю». Кейт уже приходилось такое видеть. В прошлом году так делал Бенни Мэйо.

– Ясно, пальцы. Он просил вас не давать ей так делать.

– Помню.

– А вы помните, что ему ответили?

– Сказала, что беспокоиться не о чем.

– И все?

– Сказала, что рано или поздно она перестанет.

– Вы сказали... – миссис Дарлинг принялась зачитывать вслух. – Вы сказали следующее: «Надо думать, прекратит она довольно скоро, потому что пальцы вырастут и будут втыкаться в глаза».

Кейт рассмеялась. Она и не подозревала, что была настолько остроумна. Миссис Дарлинг спросила:

– Знаете, как к этому отнесся мистер Кросби?

– Откуда мне знать?

– Попробуйте догадаться, – предложила миссис Дарлинг. – Впрочем, не буду вас утруждать. Он сказал, что вы вели себя... вот, «дерзко и оскорбительно»!

– Ой!

Миссис Дарлинг положила лист на стол.

– Когда-нибудь, Кейт, – проговорила она, – вы станете настоящим воспитателем.

– Да неужели?

Кейт и в голову не приходило, что в их детском саду можно сделать карьеру. До сих пор это никому не удавалось.

– Когда-нибудь вы повзрослеете, и вам поручат группу, – заявила миссис Дарлинг. – Сами понимаете, я говорю не про количество прожитых лет!

– Ах, ну да!

– Я говорю о том, что вам нужно развивать навыки социального взаимодействия. Выработать в себе деликатность, сдержанность, дипломатичность.

– Ясно.

– Вы хотя бы понимаете, о чем я говорю?

– Деликатность. Сдержанность. Дипломатичность.

Миссис Дарлинг посмотрела на нее изучающе.

– Иначе, Кейт, – продолжила она, – вряд ли вы и дальше останетесь в нашем маленьком дружном коллективе. Мне хотелось бы видеть вас здесь. Особенно ради вашей тетушки. Однако сейчас вы идете по тонкому льду, помните об этом!

– Ясненько, – кивнула Кейт.

Похоже, миссис Дарлинг ее слова ничуть не убедили.

– Прекрасно, Кейт. Когда будете уходить, оставьте дверь открытой.

– Не вопрос, миссис Ди, – кивнула Кейт.

* * *

– Кажется, мне дали испытательный срок, – поделилась Кейт с нянечкой третьей группы. Они стояли рядом на детской площадке и следили, чтобы никто не убился на качелях.

– Разве ты до этого на нем не была? – спросила Натали.

– Хм, – пожала плечами Кейт. – Видимо, ты права.

– Что натворила на этот раз?

– Оскорбила одного папашу.

Натали скривилась. К родителям отношение у всех было особое.

– Попался чокнутый самодур, пытающийся превратить свою дочурку в мисс Совершенство.

Подошел Адам Барнс со своими двухлетками, и разговор пришлось свернуть. (В его присутствии Кейт почему-то всегда пыталась казаться лучше, чем есть.)

– Как дела? – спросил он.

– Так себе, – ответила Натали, а Кейт расплылась в глупой улыбке и сунула руки в карманы джинсов.

– Грегори хочет покататься на качелях, – заметил Адам. – Может, кто-нибудь из старших мальчиков уступит ему место?

– Ну конечно, уступит! – воскликнула Натали. – Донни, пусти Грегори покататься!

Если бы не Адам, она ни за что не сняла бы своего ребенка с качелей раньше времени. Дети должны учиться ждать своей очереди, даже если им всего два года.

Донни запротестовал:

– Я же только сел!

– Нет, это несправедливо, – мигом вмешался Адам. – Грегори, ты ведь не хочешь поступить с Донни несправедливо?

Судя по виду Грегори, он очень даже хотел поступить несправедливо. В глазах малыша заблестели слезы, подбородок задрожал.

– Придумала! – восторженно воскликнула Натали. – Грегори, ты можешь кататься с Донни! Донни уже большой мальчик, он подвинется!

Кейт едва не стошнило. Ей хотелось изобразить, как она сует два пальца прямо в рот, но она сдержалась. Хорошо хоть Адам на нее не смотрел. Он усадил Грегори перед Донни, вполне смирившимся со своей участью, подошел к другой стороне качелей и положил руку на сиденье позади Джейсона, чтобы уравновесить детишек.

В детском саду Адам был единственным помощником воспитателя мужского пола. Долговязый и добродушный парень, типичный филолог с копной спутанных темных волос и курчавой бородой. Сначала миссис Дарлинг сомневалась, не зря ли она его наняла, хотя большинство других детских садов брали на работу мужчин охотно. Она доверила ему пятилеток, или дошколят, потому что эти детишки, в основном мальчишки, вполне годились в подготовительную группу по возрасту, хотя по другим параметрам еще не были к ней готовы. Миссис Ди считала, что мужчина будет строг и научит их дисциплине. Однако Адам проявил себя человеком настолько мягким и заботливым, что через полгода его поменяли местами с Джорджиной. Теперь он охотно нянчил двухлеток – вытирал сопливые носы, утешал тоскующих по дому малышей и каждый день перед тихим часом распевал им колыбельные гундосым, чуть хриплым голосом под убаюкивающие звуки своей гитары.

В отличие от большинства мужчин он был гораздо выше Кейт, и все же в его присутствии она всегда чувствовала себя неуклюжей верзилкой. Ей сразу хотелось стать мягче, грациознее, женственнее, и она стеснялась своей нескладности.

Кейт жалела, что у нее не было матери. Точнее, мать-то была, но она так и не научила ее строить отношения с людьми.

– Я видел, как ты прошла мимо во время тихого часа, – заметил Адам, помогая детям качаться. – Досталось тебе от миссис Дарлинг?

– Нет... – ответила она. – Мы просто обсуждали моего подопечного.

Натали фыркнула. Кейт посмотрела на нее сердито, и та нацепила на лицо преувеличенно «извиняющееся» выражение, будто хотела сказать: «Ах, извините, пожалуйста!» Вот ведь святая простота! Да все знают, что она влюблена в Адама по уши.

На прошлой неделе детский сад так и гудел: Адам подарил Софии Ватсон ловца снов, которого сделал своими руками. Все прямо ахнули. А Кейт подумала, что причина довольно проста – они с Софией вместе ухаживают за малышами во второй группе.

* * *

Деликатность. Сдержанность. Дипломатичность. Интересно, в чем разница между деликатностью и дипломатичностью? Вероятно, «деликатность» означает, что говорить надо вежливо, а «дипломатичность» – вообще ничего не говорить. Хм, разве «сдержанность» не включает оба понятия?

Кейт не раз замечала, что люди чересчур разбрасываются словами. Можно обходиться гораздо меньшим количеством.

Она шла домой не спеша, наслаждаясь прекрасной погодой. С утра было еще холодно, потом потеплело, и Кейт повесила куртку на плечо. Юная парочка впереди неторопливо вышагивала, девушка рассказывала длинную нудную историю про свою подругу Линди, и все же Кейт не стала их обгонять.

Она размышляла, приживутся ли в ее саду бледно-голубые анютины глазки вроде тех, что попались ей по дороге. Не слишком ли там темно, станут ли они цвести?

Вдруг ее кто-то окликнул. Кейт обернулась. К ней спешил светловолосый мужчина в джинсах и серой толстовке, махавший рукой, будто подзывает такси. Сначала Кейт не поняла, что ему от нее понадобилось, потом вспомнила: это же лаборант отца. Будь он в рабочем халате, она бы его узнала сразу.

– Привет! – воскликнул он, подойдя ближе. (Точнее, это прозвучало как «Првет!»)

– Питер, – сказала она. – Точнее, Петр. Как дела?

– Боюсь, я простудился, – поведал он. – Из носа течет, да еще чихаю. И так с прошлого вечера.

– Засада, – кивнула Кейт.

Она зашагала дальше, он поспешил рядом.

– День в школе удался? – спросил он.

– Вполне.

Они нагнали юную парочку. Линди следует бросить того парня, твердила девушка, ведь она с ним несчастна, юноша же возражал:

– Ну, не знаю, мне так не показалось.

– Разуй ты глаза! – воскликнула девушка. – Когда они вместе, она все время заглядывает ему в лицо, а он отворачивается! Все заметили – и Пэтси, и Паула, и Джейн Энн, и даже моя сестра подошла к Линди и сказала...

Петр схватил Кейт за плечо и обогнул парочку. Сперва она опешила. Он был чуть выше ее, и она едва поспевала за его широкими шагами, потом спохватилась и сбавила ход. Он тоже перестал торопиться.

– Почему вы не на работе? – спросила Кейт.

– Туда я и иду.

Лаборатория находилась поблизости, причем совсем в другой стороне. Впрочем, какая разница? Кейт посмотрела на часы. Хорошо бы попасть домой до прихода Белочки. В отсутствие взрослых ей не разрешалось приглашать домой мальчиков, но порой она нарушала это правило.

– В моей стране есть поговорка... – объявил Петр. Да неужели, подумала Кейт. – Мы говорим так: «Подели работу на части, и она займет меньше времени, чем когда делаешь ее целиком».

– Эффектно, – заметила Кейт.

– Давно вы отращиваете волосы?

Он так неожиданно сменил тему разговора, что Кейт растерялась.

– Что?.. А, волосы. Кажется, с восьмого класса. Больше не могла выносить этих дурацких Болтушек Кэтти.

– При чем тут какая-то Кэтти?

– Болтушка Кэтти, кукла такая была, еще до Барби. Бла-бла-бла, в салоне красоты – одна сплошная болтовня. Женщины не успевают сесть в кресло, как начинают обсуждать все на свете – кавалеров, мужей, свекровей. Соседок по комнате, завистливых подружек. Распри и разногласия, любовные истории и разводы. И как они умудряются столько говорить? Из меня было слова не вытащить. Мою парикмахершу это неизменно огорчало. И в один прекрасный день я решила: «С меня хватит! Перестану стричься совсем».

– Волосы у вас исключительные, – похвалил Петр.

– Спасибо, – сказала Кейт. – Ну, мне тут сворачивать. Вы в курсе, что лаборатория совсем в другой стороне?

– Ах да, в другой! – воскликнул Петр, не слишком огорченный. – Ладно, Кейт. Увидимся! Отлично побеседовали!

Кейт свернула на свою улицу и махнула рукой, даже не оглянувшись.

* * *

Не успела она ступить на порог, как явственно услышала мужской голос.

– Белочка! – строго позвала она.

– Я ту-ут! – пропела сестра.

Кейт швырнула куртку на стул в прихожей и вошла в гостиную. Белочка с невинным видом сидела на диване – игривые золотистые кудряшки, легкая не по сезону маечка с открытыми плечами. Рядом расположился соседский мальчишка из семейства Минцев.

Что-то новенькое. Эдвард Минц был на несколько лет старше Белочки – юноша нездорового вида с рыжеватой всклокоченной растительностью на подбородке, смахивающей на лишайник. Школу он окончил в позапрошлом июне, но в колледж не поступил. Его мать винила во всем «японскую болезнь». «Что за болезнь такая?» – спросила Кейт, на что миссис Минц ответила: «Это когда молодые люди запираются в своих комнатах и отказываются жить нормальной жизнью». Только Эдвард вовсе не ограничивал себя своей комнатой, напротив, расположился на застекленной веранде, выходящей аккуратно на гостиную семейства Баттиста. Там он просиживал дни и ночи напролет в шезлонге, обхватив колени руками и покуривая подозрительно короткие сигаретки.

Что ж, по крайней мере, никакой романтикой тут и не пахнет. (Белочка питала слабость к футболистам.) Тем не менее правила есть правила, поэтому Кейт объявила:

– Белочка, ты же знаешь правило: в отсутствие взрослых никаких гостей!

– Какие гости?! – возмутилась Белочка, сделав большие и удивленные глаза. Она подняла блокнот, лежавший у нее на коленях. – У меня урок испанского!

– Неужели?

– Помнишь, я спрашивала у папы? Сеньора Макгилликадди сказала, что мне нужен репетитор? И я спросила у папы, а он ответил: «Ладно»?

– Да, но... – начала Кейт. Вряд ли отец понимал, что речь идет о соседе-укурыше. Однако вслух Кейт ничего не сказала – дипломатичность! Вместо этого она обратилась к Эдварду: – Ты отлично владеешь испанским, Эдвард?

– Да, мэм, проходил его целых пять семестров. – Было неясно, то ли он умничал, то ли назвал ее «мэм» на полном серьезе. В любом случае Кейт стало неприятно, она вовсе не такая старая. – Иногда я даже думаю по-испански.

Белочка хихикнула. Так она реагировала буквально на все.

– Он уже меня многому научил? – воскликнула она.

Превращать утвердительные предложения в вопросительные было второй несносной привычкой Белочки. Иногда Кейт подтрунивала над ней, делая вид, что действительно воспринимает их как вопросы.

– Я ведь рядом не сидела, откуда мне знать?

– Что? – не понял Эдвард.

– Не обращай на нее внимания? – велела Белочка.

– В каждом семестре я получал пять или пять с минусом, – поведал Эдвард, – кроме последнего года, но я не виноват. Это все из-за стресса.

– Ясно, – сказала Кейт. – Тем не менее Белочке нельзя приглашать молодых людей, когда взрослых нет дома.

– Эй, это просто унижительно! – возмутилась Белочка.

– Не везет так не везет, – откликнулась Кейт. – Продолжайте, я буду неподалеку.

И она вышла из гостиной. Позади раздался шепот Белочки:

– Уно суко!

– Уна сука-а, – назидательно поправил ее Эдвард.

И оба сдавленно захихикали.

Белочка вовсе не была такой уж лапочкой, как могло показаться на первый взгляд.

Совершенно непонятно, почему Белочка вообще появилась на свет. Мать девочек – хрупкая, неброская розово-золотистая блондинка с лучистыми, как и у Белочки, глазами – провела первые четырнадцать лет брака в «домах отдыха», как их тогда называли. И вдруг родилась Белочка. Удивительно, что родителям вообще пришла в голову идея завести второго ребенка. Возможно, они и не планировали, и Белочка – дитя беспечной страсти. Впрочем, это еще менее вероятно. Так или иначе, при второй беременности у Теи Баттиста обнаружился порок сердца, либо же беременность стала его причиной, и женщина умерла, не прожив и года. Для Кейт мало что изменилось – мать присутствовала в ее жизни чисто номинально. А Белочка ее даже не помнила, хотя некоторые жесты матери она скопировала с пугающей точностью – например, так же притворно-застенчиво подпирала подбородок рукой, или задумчиво покусывала указательный палец. Будто она успела изучить мать, еще находясь в утробе. Тетушка Тельма, сестра Теи, говаривала: «Ах, Белочка, при виде тебя у меня слезы на глаза наворачиваются! Ты просто копия твоей бедной мамочки!»

Кейт, напротив, ничуть не походила на мать. Она была смуглая, крепкая и немного нескладная. Ей бы и в голову не пришло манерно грызть пальчик, и вряд ли кто назвал бы ее лапочкой.

Кейт была *уна сука*.

* * *

– Кэтрин, дорогая моя!

Кейт пораженно отпрянула от плиты. В дверном проеме стоял отец, сияя улыбкой.

– Как прошел день? – спросил он.

– Нормально.

– Все хорошо?

– Более или менее.

– Превосходно! – Он так и маячил в дверях. Как правило, отец возвращался из лаборатории подавленный, весь в мыслях о проекте. Похоже, сегодня ему удалось продвинуться в своих исследованиях. – На работу пешком ходила?

– Да, конечно.

Кейт всегда ходила пешком, если погода не была совсем ненастной.

– А потом славно прогулялась до дому?

– Угу. Кстати, по пути столкнулась с твоим лаборантом.

– Неужели?

– Угу.

– Чудесно! И как у него дела?

– В каком смысле? – не поняла Кейт. – Разве вы не виделись сегодня?

– Ну, то есть о чем вы разговаривали?

Она долго не могла вспомнить.

– Вроде о волосах.

– Вот как. – Отец долго улыбался, потом, наконец, спросил: – О чем еще?

– Собственно, ни о чем.

Она снова повернулась к плите. Кейт подогревала питательную смесь, которую они всегда ели на ужин. Так называемое мясное пюре по большей части состояло из фасоли, зелени и картофеля, еще она добавляла немного тушеной говядины и перетирала все в сероватую кашу. Блюдо готовилось по субботам на всю неделю. Отец сам его изобрел. Он недоумевал, почему все люди не питаются так же, – там присутствовали необходимые питательные вещества и не приходилось тратить время на готовку.

– Отец, – начала Кейт, убавив газ, – ты знаешь, что Белочка наняла в качестве репетитора по испанскому Эдварда Минца?

– Что за Эдвард Минц?

– Эдвард из соседнего дома. Сегодня я вернулась с работы, а он сидел у нас в гостиной. Между прочим, это против правил. К тому же мы понятия не имеем, насколько он хорош в качестве репетитора. Я даже не знаю, во что нам обойдутся его услуги. Белочка тебе ничего не говорила?

– Ну, вроде бы да... Помню, она сказала, что с испанским у нее неважно.

– Да, и ты велел нанять репетитора. Она не стала обращаться в агентство, через которое мы нанимали учителей по математике и по английскому, а почему-то выбрала мальчишку из соседнего дома!

– Вероятно, у нее была на то причина, – пробормотал отец.

– С чего ты взял?!

Кейт постучала ложкой по краю кастрюли, чтобы сбросить налипшую серую массу.

Поразительно, до чего отец порой бывал некомпетентен в бытовых вопросах. Он жил словно в вакууме. Экономка утверждала, что он слишком умен.

– Доктор занят очень важными проблемами, – говаривала она. – К примеру, ищет способ победить болезни во всем мире.

– Разве он не может заниматься и нами тоже? – недоумевала Кейт. – Мыши для него важнее родных детей! Совсем он о нас не заботится!

– Ну что ты, голубушка! Просто он не умеет показывать свою заботу. Представь, что он не знает языка или прибыл с другой планеты... Поверь, он о вас заботится.

Экономке наверняка понравилось бы Хорошее Правило миссис Дарлинг.

– Вчера мы говорили о Пиотре, – начал отец, – и мне кажется, ты не понимаешь всю серьезность ситуации. Визу ему выдали на три года. Прошло уже два года и десять месяцев.

– Надо же! – удивилась Кейт. Она выключила газ и взяла кастрюлю обеими руками. – Позволь пройти.

Отец попятился. Кейт прошла мимо него в столовую и водрузила ужин на подставку, всегда находившуюся в центре стола.

Хотя столовая была обставлена красивой, элегантной мебелью, доставшейся от предков Теи, после ее смерти комната приняла довольно непрезентабельный вид. Полка серванта была завалена пузырьками с витаминами, почтовой корреспонденцией и всевозможными канцелярскими принадлежностями. На дальнем краю обеденного стола возвышаются стопка чеков, калькулятор, домовая книга и бланки декларации на подоходный налог. Заполнять их всегда приходилось Кейт, и она виновато посмотрела на отца, следовавшего за ней по пятам. (Последний день уплаты неумолимо приближался.) Однако доктор Баттиста был поглощен совсем другими мыслями.

– Видишь ли, в чем загвоздка... – продолжил он, идя за Кейт обратно на кухню.

Она достала из холодильника коробку с молоком.

– Позволь пройти.

Отец снова поплелся за ней в столовую. Он сжал кулаки и сунул их в глубокие передние карманы комбинезона, раздувшегося, как огромная муфта.

– Через два месяца Пиотру придется покинуть страну.

– Разве ты не можешь помочь ему с продлением визы?

– Теоретически – могу. Проблема в том, кто подаст ходатайство. Если проект считают недостаточно важным... Похоже, многие мои коллеги полагают, что я сбился с пути. Да откуда им знать? Я уверен, что стою на пороге открытия! Вот-вот найду ключ к излечению всех аутоиммунных нарушений!.. Однако иммиграционная служба наверняка примет такое решение, что я останусь без помощника. После одиннадцатого сентября с ней невозможно иметь дело!

– Бывает. – Они вернулись на кухню, и Кейт взяла из вазы три яблока. – Кого примешь вместо него?

– Вместо него?! – опешил отец. – Кейт, это же Пиотр Чербаков! Никто другой мне не сгодится!

– И все же, очевидно, придется тебе довольствоваться кем-то другим, – заявила Кейт. – Позволь снова пройти.

Она вернулась в столовую и положила по яблоку возле каждой тарелки.

– Мне конец! – воскликнул отец. – Я обречен! В таком случае можно сразу бросать работу над проектом.

– Господи, папа!

– Либо мы как-нибудь поможем ему легализоваться.

– Вот и хорошо. Помоги ему.

Кейт проскользнула мимо отца и вышла к лестнице.

– Белочка! – прокричала она. – Ужин на столе.

– Женитьба на американке помогла бы.

– Петр женится на американке?

– Пока нет, – ответил отец, семеня за ней в столовую. – Он ведь хорош собой, правда? Что скажешь? Девушки в нашем здании так на него и вешаются: всегда подыскивают повод с ним поболтать.

– Почему бы ему не жениться на одной из них? – спросила Кейт, садясь за стол и расправляя салфетку.

– Вряд ли, – вздохнул отец. – У него... К сожалению, дальше разговоров дело не идет.

– Тогда на ком ему жениться?

Отец сел во главе стола и откашлялся.

– Может, на тебе?

– Очень смешно! – резко бросила Кейт. – Да где же эта девчонка! Бернис Баттиста! – прокричала она. – Сейчас же иди сюда!

– Да здесь я, здесь, – проворчала Белочка, появляясь в дверях. – И ни к чему так орать. – Она плюхнулась на стул напротив Кейт. – Привет, пап!

Повисла долгая пауза, во время которой доктор Баттиста выбирался из пучины своих мыслей. Наконец он ответил:

– Привет, Белочка.

Голос звучал глухо и мрачно. Белочка удивленно подняла брови. Кейт пожала плечами и взялась за сервировочную ложку.

Глава 3

– Хорошего вторника, дети! – объявила миссис Дарлинг и снова попросила Кейт заглянуть к ней в кабинет.

На этот раз Кейт не смогла отлучиться во время тихого часа, поскольку миссис Чонси была на больничном. К тому же по вторникам она дежурила в группе продленного дня. Пришлось ей томиться в неведении до самой половины шестого.

Она понятия не имела, о чем хочет поговорить миссис Дарлинг. Впрочем, обычно так оно и случалось. Здешний этикет был непостижим. Или же лучше назвать это традициями, регламентом или еще как-нибудь... К примеру, в некоторых странах нельзя показывать подошву своей обуви... Где же она напортачила? Сколько Кейт ни думала, ей не удалось вспомнить, ведь времени со вчерашнего полудня до сегодняшнего утра прошло так мало. С родителями она старалась особо не общаться, а о том малюсеньком эпизоде с молнией на куртке Антуана миссис Дарлинг вряд ли слышала. «Дурацкая проклятущая современная... жизнь!» – пробормотала Кейт сквозь зубы. Она ругалась на жизнь, не на Антуана, и мальчик наверняка это понял. Вдобавок вряд ли он помчался бы к директрисе ябедничать.

Молния была двойная: можно расстегнуть снизу, а сверху она останется застегнутой. В итоге куртку пришлось снимать через голову. Кейт терпеть не могла такие молнии: нет, ну какова наглость, подобные штучки будто лучше тебя знают, что именно тебе нужно!

Как там выразилась миссис Дарлинг днем раньше? Она ведь не говорила «Еще одна жалоба, и вы уволены»? Вроде нет. В такие подробности она не вдавалась. Прозвучало нечто типа «не то узнаете», как взрослые любят стращать детей, хотя, по сути, в подобной формулировке ничего страшного нет.

Кажется, прозвучали слова «по тонкому льду».

Чем же она будет заниматься, если вылетит с работы? Тогда в жизни совсем ничего не останется, можно и с кровати не вставать по утрам.

Вчера, играя в «Покажи и расскажи», Хлоя Смит поведала о том, как на выходных побывала в контактном зоопарке. Сказала, что видела маленьких козлят, и Кейт воскликнула: «Везет же!» (К козочкам Кейт питала особую слабость.) И спросила девочку:

– Они резвились? Козочки всегда прыгают и резвятся, если у них хорошее настроение.

– Конечно, резвились! Еще чуть-чуть, и они порхали бы как бабочки, – серьезно ответила Хлоя.

Описание показалось Кейт настолько исчерпывающим и будничным, что она получила ни с чем не сравнимое удовольствие. Как странно: для того, чтобы по-настоящему оценить что-то, нужно едва его не лишиться.

Без двадцати шесть последняя мама забрала последнего ребенка (миссис Амхерст, вечно везде опаздывает), Кейт в последний раз делано улыбнулась, плотно сжав губы, чтобы не ляпнуть что-нибудь неподходящее, распрямил плечи, сделала глубокий вдох и направилась в кабинет директора.

Миссис Дарлинг поливала комнатные растения. Вероятно, она уже перепробовала все способы убить время. Кейт оставалось лишь надеяться, что ожидание ее не разозлило (как всегда бывало с самой Кейт), и начала с извинений:

– Простите ради бога! Я не виновата – миссис Амхерст опоздала!

Миссис Амхерст директрису не интересовала.

– Присаживайтесь, – велела она Кейт, расправляя юбку и устраиваясь в кресле.

Кейт села.

– Эмма Грей, – сказала миссис Дарлинг. Сегодня она явно не отличалась многословием.

Эмма Грей? Кейт судорожно перебирала варианты. Странно... С Эммой Грей никаких проблем не возникало.

– Эмма спросила у вас, кто в группе лучше всех рисует, – напомнила миссис Дарлинг, сверяясь с блокнотом. – И вы ответили: «Думаю, что Джейсон».

– Все так, – ответила Кейт.

Кейт подождала, однако ударной фразы не последовало. Миссис Дарлинг отложила блокнот, будто на этом и закончила. Сплела пальцы в замок и уставилась на Кейт с чувством выполненного долга.

– Все так и было, – развернула свою мысль Кейт.

– Мать Эммы очень расстроена, – поведала миссис Дарлинг. – Она считает, что из-за вас Эмма чувствует себя неполноценной.

– Да она и есть неполноценная! – воскликнула Кейт. – Рисовать Эмма Джи ни фиги не умеет! Она спросила моего мнения, я его высказала.

– Кейт, – вздохнула миссис Дарлинг, – это настолько спорно, что я даже не знаю, с чего начать.

– А что не так-то? Я не понимаю.

– Вы могли бы ответить так: «Милая Эмма, рисование вовсе не спорт, соревноваться ни к чему. Зато у тебя такая богатая фантазия!» И добавить что-то вроде: «Все вы справляетесь превосходно».

Кейт попыталась представить, как она говорит детям такое. И не смогла.

– Честное слово, Эмма не придала этому значения! Она сказала: «Ну да, Джейсон» и пошла играть дальше.

– Очень даже придала и рассказала своей матери, – возразила миссис Дарлинг.

– Может, она сказала просто так, для поддержания беседы.

– Дети ничего не говорят просто так, Кейт.

Судя по опыту работы в детском саду, Кейт могла бы с ней поспорить, но не стала.

– Ну, вам виднее. К тому же дело было на прошлой неделе.

– К чему это вы?

Обычно в ответ на подобный вопрос Кейт пожимала плечами и отвечала: «Проехали». Однако на сей раз сдержалась. (Беда с героическим проявлением сдержанности – в том, что затраченных усилий, увы, никто не замечает.)

– Я к тому, что это было давно, – ответила Кейт. – Еще до случая с отцом Джамши. До того, как я обещала исправиться. Конечно, я помню свое обещание и стараюсь изо всех сил. Веду себя очень дипломатично и тактично.

– Приятно слышать, – откликнулась миссис Дарлинг.

Вряд ли Кейт удалось ее убедить. Впрочем, увольнять Кейт она тоже не стала. Просто покачала головой и добавила, что на этом пока все.

* * *

Вернувшись домой, Кейт обнаружила на кухне беспорядок. Белочка жарила какую-то белую субстанцию на слишком сильном огне, и весь дом провонял китайским ресторанчиком – в воздухе мешались запахи подгоревшего масла и соевого соуса.

– Что это за ерунда? – возмутилась Кейт, убавляя газ.

Белочка отшатнулась.

– Вот только не надо на меня набрасываться! – воскликнула она, держа кулинарную лопатку как мухобойку. – Это тофу?

– Тофу?!

– Теперь я вегетарианка?

- Быть того не может, – вздохнула Кейт.
- Каждый час в нашей стране погибают шестьсот шестьдесят тысяч невинных животных!
- Откуда ты знаешь?
- Мне Эдвард сказал.
- Эдвард Минц?
- Он не ест тех, кого убивают. Поэтому со следующей недели перестань класть говядину в наше мясное пюре!
- Мясного пюре без мяса не бывает.
- Здоровее будем. Ты представляешь, какими токсинами мы набиваем свои желудки?
- Почему бы тебе просто не вступить в секту? – спросила Кейт.
- Так и знала, что ты меня не поймешь!
- Лучше накрой на стол, – утомленно вздохнула Кейт.

Открыв холодильник, она достала кастрюлю с мясным пюре. Белочка не всегда была такой. В вертихвостку она превратилась годам к двенадцати. Изменения сказались даже на причёске. Раньше она носила две аккуратные косички, теперь на голове красовалось облако золотистых вздыбленных кудряшек, сквозь которые проглядывало солнце, если смотреть под правильным углом. Рот чуть приоткрыт, невинные глазки слегка вытаращены, короткая юбочка подтянута едва не до ушей, чтобы сильнее обнажить бедра. Кейт полагала, что сестра строит из себя припевочку нарочно, хотя и не понимала, каким образом подобная инфантильность может привлекать мужчин. Тем не менее привлекала, да еще как. Белочка пользовалась бешеной популярностью. На людях она нарочито косолапила, кокетливо ставя ножку к ножке, и с притворной застенчивостью покусывала палец. Впрочем, дома на кухне она ходила нормально.

Кейт вынимала яблоки из вазы, и вдруг раздался голос отца.

– Предупрежу Кейт, что мы уже здесь, – сказал он кому-то и позвал: – Кейт!

– Что?

– Это мы!

Кейт бросила взгляд на Белочку, которая выкладывала тофу на тарелку.

– Что значит «мы»? – крикнула Кейт.

В проеме возник доктор Баттиста. Рядом маячил Петр Щербаков.

– Ой, Петр, – вздрогнула она.

– Привет! – поздоровался Петр. На нем была все та же серая толстовка, в руке он держал небольшой бумажный пакет.

– А вот и моя вторая дочь, Белочка, – объявил доктор Баттиста. – Зайка, познакомься с Пиотром.

– При-ивет! Как дела? – улыбнулась Белочка, показав ямочки на щеках.

– Уже два дня кашляю и чихаю, – ответил Петр. – Из носа тоже течет. Похоже, подхватил микроба.

– Ах вы, бедняга!

– Пиотр останется на ужин, – сообщил доктор Баттиста.

– Неужели? – откликнулась Кейт.

Она могла бы напомнить отцу, что, как правило, повара оповещают заранее, но в этом доме не было такого правила, ведь подобных ситуаций не возникало никогда. Сколько Кейт себя помнила, семейство Баттиста никого не приглашало на ужин. Белочка радостно воскликнула: «Классно!» (Как считала Белочка, чем больше народу, тем веселее.) Она мигом достала из посудомоечной машины чистую тарелку и столовые приборы. Тем временем Петр протянул Кейт бумажный пакет.

– Подарок хозяевам, – пояснил он. – Десерт.

Кейт взяла пакет и заглянула внутрь. Там лежали четыре плитки шоколада.

– Что ж, спасибо.

– Девяностопроцентный шоколад. Флавоноиды. Полифенолы.

– Пиотр – приверженец темного шоколада, – поведал доктор Баттиста.

– Ах, обожаю шоколад! – призналась Белочка. – Постоянно его ем и никак не могу наесться?

Белочка залопотала вовремя, потому что Кейт вовсе не была рада приходу гостя. Она взяла из вазы четвертое яблоко и вернулась в столовую, бросив на отца сердитый взгляд. Он улыбку и потер руки.

– Разбавим наш тесный семейный круг! – доверительно сообщил он.

– Пф-ф!

Кейт снова направилась на кухню. Белочка тем временем расспрашивала Петра, о чем он больше всего скучает, думая о родине. Глаза ее лучились восторгом, она заглядывала гостю в лицо, сжимая в руках тарелку и приборы, с готовностью кивала, будто мисс Хозяйка месяца.

– По соленым огурцам, – признался Петр.

– Они там просто потрясающие?

– Заканчивай накрывать на стол, – перебила Кейт. – Ужин давно готов.

– Как так? Погоди, – вмешался доктор Баттиста, – давайте сначала немного выпьем.

– Выпьем?!

– Пропустим по стаканчику, сидя в гостиной.

– Да! – обрадовалась Белочка. – Папочка, а мне можно? Малюсенький-премалюсенький глоточек вина?

– Конечно, нет! – воскликнула Кейт. – Твое умственное развитие и так оставляет желать лучшего.

Петр одобрительно ухнул.

– Ну, па-ап! Ты слышал, что она про меня сказала?

– Я не шучу! – отрезала Кейт. – Больше репетиторов мы не потянем. К тому же я умираю хочу есть. Отец, ты сегодня задержался как никогда.

– Ладно, ладно! – сдался доктор Баттиста. – Извини, Пиотр. Похоже, решать повару.

– Без проблем, – кивнул Петр.

Иначе бы и не вышло, потому что кроме бутылки кьянти, оставшейся с Нового года, алкоголя в доме не было.

Кейт внесла кастрюлю в столовую и водрузила на подставку. Тем временем Белочка поставила тарелку и приборы Петра рядом с собой. Из-за кипы налоговых деклараций всем пришлось ютиться на одном конце стола.

– А как насчет людей, Пиотр? – спросила неугомонная Белочка, едва тот уселся. – Вы по кому-нибудь скучаете?

– Ни по кому, – ответил он.

– Совсем-совсем?

– Я вырос в детском доме.

– Вот дела! Первый раз общаюсь с детдомовцем!

– Ты забыла принести Петру воды, – напомнила Кейт, накладывая мясное пюре и передавая тарелки.

Белочка отодвинула было стул, но Петр ее остановил.

– Без проблем.

– Пиотр считает, что вода мешает действию ферментов, – пояснил доктор Баттиста.

– Чего? – не поняла Белочка.

– Пищеварительных ферментов.

– Особенно вода со льдом, – сказал Петр. – Замораживает ферменты прямо в протоках.
– Неужели вы ни разу об этом не слышали? – восхищенно спросил у дочерей доктор Баттиста.

Кейт пожалела, что отец сам не может жениться на Петре, если уж он так озабочен его статусом. Они будто созданы друг для друга.

По вторникам Кейт слегка разнообразила меню, подавая тортильи и острый соус, чтобы сделать из мясного пюре буррито. Однако Петр не стал заморачиваться. Он залил пюре лавиной соуса, вооружился ложкой и принялся за раскопки, внимательно кивая доктору Баттиста, который разглагольствовал о том, что женщины страдают от аутоиммунных заболеваний чаще мужчин. Кейт задумчиво ковырялась в тарелке, аппетита как не бывало. Сидевшая напротив нее Белочка тоже не испытывала особого желания есть тофу. Она аккуратно отделила кусочек с краю, положила в рот и принялась осторожно жевать передними зубами. Зелень – два бледных стебля сельдерея – так и осталась нетронутой. Вряд ли ее вегетарианство продлится дольше трех дней, решила Кейт.

Доктор Баттиста видел причину в том, что у женщин кожа тоньше, чем у мужчин. Вдруг он умолк и уставился на тарелку Белочки.

– Что это?! – воскликнул он.

– Тофу?

– Тофу!

– Я больше не ем мяса?

– Неужели это разумно? – спросил отец.

– Вздор! – заявил Петр.

– Я же тебе говорила! – сказала Кейт.

– Откуда она будет получать В₁₂? – спросил Петр доктора Баттиста.

– Полагаю, из мюсли, что она ест на завтрак, – задумчиво протянул доктор Баттиста. – Разумеется, при условии, что продукт будет витаминизированный.

– Полный вздор, – повторил Петр. – Отказываться от пищи – это так по-американски! В других странах люди расширяют свой рацион, чтобы быть здоровее. Американцы делают наоборот.

– Как насчет консервированного тунца? По сути, его никто не убивает. В тунце есть В₁₂?

Кейт так удивилась вопросу Белочки, что не сразу заметила реакцию отца. Он обхватил голову руками и принялся раскачиваться взад-вперед.

– Нет-нет-нет-нет-нет! – простонал он.

Все трое уставились на него с изумлением.

Он поднял голову и сказал:

– Ртуть!

– Ах да, – кивнул Петр.

– Мне плевать! – заявила Белочка. – Ни за что не стану есть бедных теляток, которые всю жизнь живут в клетке и не пасутся!

– Это уже совсем из другой оперы! – сказала Кейт. – Говядина и телятина – вещи разные. Я никогда не кладу телятину в мясное пюре!

– Телятина, говядина, милые пушистые ягнятки... Какая разница! Это ужасно! Скажите, Пиотр, – надела она на гостя, – как вы можете жить спокойно, мучая бедных мышек?

– Мышек?

– Ну, или кого вы там мучаете в своей лаборатории?

– Эх, Белочка-девочка, – горестно вздохнул доктор Баттиста.

– Мышей я вовсе не мучаю, – с достоинством ответил Петр. – В лаборатории твоего отца им отлично живется. Прекрасная кормежка, общение с себе подобными. У некоторых даже есть имена. Они живут куда лучше, чем дикие мыши.

– Не считая того, что вы втыкаете в них иголки, – сказала Белочка.

– Да, но...

– И мышки потом болеют!

– Нет, в данный момент уже не болеют. И это весьма показательно, потому что...

Зазвонил телефон, Белочка воскликнула:

– Я подойду!

Отодвинув стол, она помчалась на кухню, оставив Петра сидеть с раскрытым ртом.

– Алло? А-а, это ты! При-ииветик!

Когда звонили мальчики, Белочка начинала говорить с придыханием, в голосе появлялись игривые нотки. Как ни странно, отец это тоже заметил.

– Кто звонит? – Он развернулся в сторону кухни и прокричал: – Белочка! Кто звонит?

Та притворилась, что не слышит.

– А-ааах, – проворковала она. – А-ах, как мило! Как это мило с твоей стороны!

– С кем она разговаривает? – спросил доктор Баттиста у Кейт. Она пожала плечами. – Мало того, что весь ужин она отвечала на эсэмэски, теперь ей еще и звонят!

– А что сразу я? – возмутилась Кейт.

Лично она ни за что не позволила бы себе подобного тона, разговаривая по телефону. Надо же настолько себя не уважать!.. Кейт попыталась представить: ей звонит, скажем, Адам Барнс, и она говорит ему, что с его стороны очень мило... Бр-р! При одной мысли об этом ее передернуло.

– Ты поговорил с ней о мальчишке Минцев? – спросила она.

– Каком мальчишке?

– О ее репетиторе, отец.

– Ах да! Нет, не успел.

Кейт вздохнула и предложила Петру добавки.

Петр и доктор Баттиста принялись обсуждать пролиферацию лимфоидных клеток. Белочка закончила телефонный разговор и сидела между ними с надутым видом, разрезая свой тофу на микроскопические кусочки. (Она не привыкла, что ее игнорируют.) В конце ужина Кейт сходила на кухню за шоколадом, но тарелки убирать не стала, поэтому все побросали обертки от плиток прямо на остатки еды. Откусив конфету, Кейт поморщилась и решила, что девяносто процентов какао – процентов на тридцать многовато. Петр разве-селлся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.